

Раздел VI

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. Р. Чернышов

Екатеринбург

Типология зачинов в классическом детективном повествовании (на примере произведений А. К. Дойла о Шерлоке Холмсе)

Джон Кавелти отнес классический детектив к так называемым формульным жанрам — то есть к таким жанрам, структура конвенциональных элементов которых повторяется в очень большом количестве произведений [1]. В поэтике детектива это прежде всего система персонажей, фабула и композиция, которые подробно исследованы в многочисленных трудах. Но есть в ней и другие, не менее важные формульные элементы, которые пока специального внимания ученых не привлекли. К ним, на наш взгляд, относятся такие элементы детективного нарратива, как зачин и концовка, занимающие «сильную позицию» в тексте, благодаря чему их можно считать «определятелями» текста, подобно тому, как анакруста и клаузула являются определителями стиха. Детективные произведения часто начинаются и завершаются схожим образом, и напрашивается создание типологии этих начал и концов, наблюдение за которой может обогатить представление о структуре детектива. В настоящей статье мы сосредоточимся на проблеме зачина, ограничив материал первым в западной литературе сравнительно обширным детективным сериалом — холмсианой Артура Конан Дойла (далее АКД), включающей 60 произведений — 4 повести и 56 новелл, объединенных в пять сборников.

Понятие «зачин» в современном литературоведении не имеет четкого терминологического статуса. Чаще всего зачином называют фольклорные риторические формулы типа «жили-были». Закономерно, что лингвисты, исследующие языковое строение художественных текстов, пользуются им чаще и понимают его строже, чем литературоведы, которым для их нужд, как правило, достаточно

понятий «экспозиция» и «завязка». Однако риторические формулы так же успешно описывают поэтику, как и, например, мотивы и их устойчивые комбинации, поэтому литературоведам не стоит отказываться от их изучения.

Делимитация зачина художественного текста представляет собой отдельную проблему, общепринятого решения которой нет [2, с. 28–29], поэтому условимся считать зачином первый абзац произведения.

Необходимым условием для детального исследования произведений о Шерлоке Холмсе (далее ШХ) является понимание их нарративной ситуации. Из этих 60 произведений два написаны от 3-го лица, два — от лица самого ШХ, остальные же 56 оформлены АКД как беллетризованные записки доктора Джона Уотсона (далее ДУ) — друга ШХ, участника большинства его приключений и летописца его подвигов. Из разрозненных замечаний ДУ-рассказчика можно предположить, что он составляет документальные заметки о каждом или почти каждом деле ШХ, а впоследствии некоторые из этих заметок перерабатывает в художественные рассказы и публикует.

Изучив первые абзацы всех 60 произведений канонической холмсианы, мы разделили их на три основных типа: 22 зачина-предисловия (далее ЗП), 22 зачина-экспозиции (далее ЗЭ) и 16 зачинов-завязок (далее ЗЗ).

ЗП дифференцируются по признаку доминирования в зачине авторефлексии рассказчика как литератора. Среди них выделяются две разновидности: в 14 рассказах первые абзацы посвящены ретроспективному обзору всех или нескольких дел ШХ и/или заметок ДУ о них (например, «Пестрая лента»), в восьми — общей характеристике одного конкретного дела (например, «Три студента»).

К ЗЭ мы относим первые абзацы, где еще не описаны никакие действия, связанные с предстоящим делом. Чаще всего (в восьми случаях) ЗЭ строится на характеристике рассказчиком своего друга — таков, например, «Скандал в Богемии». Четыре новеллы начинаются с реплики в диалоге ШХ и ДУ, не имеющем отношения к основному сюжету, — например, «Медные буки». В трех случаях зачин посвящен описанию действий или внешности ШХ в ситуации до события-завязки — так начинается повесть «Знак четырех». Дважды ДУ начинает повествование с рассказа о себе вне связи с ШХ — это, в частности, «Этюд в багровых тонах», где описано их знакомство. Четыре ЗЭ уникальны. Зачин «Шести Наполеонов» представляет собой характеристику второстепенного сквозного персонажа холмсианы — инспектора Лестрейда. В начале «Человека с рассеченной губой» рассказана история случайного персонажа, знакомого ДУ. Наконец, с ЗЭ начинаются оба рассказа, написанные от 3-го лица: в «Камне Мазарини» описан визит ДУ на Бейкер-стрит, в «Его прощальном поклоне» — классическая экспозиция с указанием времени-места действия и описанием персонажей.

Семнадцать ЗЗ мы разделили на шесть видов. Четыре раза встречается зачин, который можно назвать так: *встреча ШХ и ДУ и начало дела*. Таков, пожалуй, самый динамичный зачин всего цикла в рассказе «Убийство в Эбби-Грейндж», где ШХ будит ДУ и требует скорее собираться и ехать с ним. Четыре рассказа начинаются с диалога ШХ и ДУ или реплики ШХ о начале нового дела: «Боюсь,

Уотсон, что мне придется уехать» («Серебряный»). В трех зачинах описан клиент (например, «Случай в интернате»). Трижды ключевым мотивом зачина становится известие от клиента (например, телеграмма в «Пропавшем регбисте»). Два раза в зачине описываются действия ШХ и ДУ, связанные с будущим расследованием. Так, в «Собаке Баскервилей» ШХ сидит за столом и завтракает (сверхкраткая экспозиция), а ДУ за его спиной изучает трость, забытую Мортимером. И единственный уникальный зачин этого типа — ДУ получает известие (телеграмму) от ШХ — в «Тайне Боскомской долины».

Посмотрим, не обнаруживается ли закономерностей во временной динамике типов зачинов в холмсиане. Эти произведения легко группируются по блокам на основе пяти сборников новелл. Первый из них — «Приключения ШХ» (далее ПШХ) — вышел в свет в 1892 г. и состоит из 12 новелл, печатавшихся в 1891 г. в журнале «Стрэнд» и создававшихся подряд в течение этого же года. К этому сборнику спереди примыкают и образуют с ним единый временной блок повести «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех», в которых впервые появились главные герои и наметилось художественное единство, развитие потом в рассказах. В 1893 г. издан сборник «Воспоминания о ШХ» (или «Записки о ШХ», далее ЗШХ), включавший 11 из 12 рассказов, печатавшихся в «Стрэнде» в 1892 г. Один из них, «Картонная коробка», в первое издание сборника не вошел, но включался в последующие и для наших целей, конечно, должен рассматриваться в едином блоке с остальными. Закончив этот сборник «Последним делом Холмса», Дойл не собирался продолжать серию, и только через десяток лет сделал это в «Собаке Баскервилей» (1902) и сборнике из 13 рассказов «Возвращение ШХ» (далее ВШХ, 1905), которые можно рассматривать как третий блок. Еще через 10 лет последовали «Долина ужаса» (1915) и сборник «Его прощальный поклон» (далее ЕПП, 7 рассказов, 1917) — четвертый блок. Последний сборник — «Архив ШХ» (далее АШХ, 12 рассказов) — вышел в 1927 г. Интервалы между созданием последних трех блоков не такие значительные, как можно предположить по датам издания сборников, поскольку эти рассказы первоначально печатались в периодике поодиночке. Тем не менее вряд ли можно предложить более обоснованные границы между «этапами эволюции» поздней дойловской холмсианы. Не столь очевидна необходимость проведения рубежа между первым и вторым сборниками, создававшимися почти подряд в течение одного-двух лет. Однако ее диктует очевидная разница в авторских предпочтениях именно типов зачинов составляющих их новелл. Обратимся к таблице, показывающей распределение типов зачинов по временным блокам.

Распределение общих типов зачинов по периодам (сборникам)

Зачины	ПШХ+ЭвБТ+ЗЧ (14)	ЗШХ (12)	ВШХ+СБ (14)	ЕПП+ДУ (8)	АШХ (12)
	1	2	3	4	5
Предисловия	4 (29 %)	6 (50 %)	6 (42 %)	0	6 (50 %)
Экспозиции	6 (42 %)	3 (25 %)	4 (29 %)	5 (62,5 %)	4 (33 %)
Завязки	4 (29 %)	3 (25 %)	4 (29 %)	3 (37,5 %)	2 (17 %)

Как видим, в трех блоках — 2, 3 и 5 — соотношение примерно одинаковое: доля ЗП в 1,5–2 раза превышает долю ЗЭ и в 1,5–3 раза — долю ЗЗ. Иная картина в первом и четвертом. В стартовом блоке холмсианы доля экспозиций в полтора раза выше долей предисловий и завязок (по отдельности). В четвертом блоке нет ни единого предисловия, зато доля экспозиций подскакивает до 62,5 % (5 из 8). Таким образом, мы имеем два достаточно резких динамических скачка, связанных с изменением соотношения долей ЗП и ЗЭ.

Причина второго (полного отсутствия зачинов-предисловий в сборнике ЕПП) очевидна, хотя, может быть, и не является единственной. Дело в том, что это единственный сборник холмсианы, в котором имеется общее краткое предисловие, написанное от лица ДУ, в котором он сообщает, что ШХ жив-здоров, занимается сельским хозяйством и от дел совсем отошел, не считая эпизода, описанного в рассказе, завершающем сборник и давшем ему имя, а все остальные относятся к более ранним активным временам и взяты из старых записей доктора. Правда, общее предисловие имеется и в последнем сборнике — АШХ, а между тем в нем число зачинов-предисловий восстанавливается до прежнего уровня. Однако это предисловие написано Дойлом от собственного имени, там он рассказывает всю историю создания холмсианы, не надевая маску героя. Между прочим, это предисловие отличается от всех, написанных от лица ДУ, мелкой, но важной дискурсивной особенностью: здесь имеется прямое обращение к читателю во 2-м лице, тогда как у ДУ читатель — всегда 3-е лицо и обращение к публике, в чем и состоит художественная задача предисловия, грамматически не эксплицируется. Можно считать это особенностью индивидуального стиля, которой автор Дойл наделил своего героя-рассказчика.

Первый, менее резкий скачок, который и подтверждает обоснованность разделения этих хронологически очень близких блоков, объяснить сложнее. Думается, уменьшение доли экспозиций было следствием роста доли предисловий, а не наоборот. Вообще, зачин-предисловие, в отличие от экспозиции и завязки, не характерен для новеллы как динамичного жанра. Видимо, поэтому он сразу бросился в глаза Виктору Шкловскому, который в 1929 г. исследовал поэтику «новеллы тайн»: «Рассказы Конан-Дойля начинаются довольно однообразно: иногда идет перечисление приключений Шерлока Холмса, делаемое его другом Ватсоном, который как бы выбирает, что рассказывать» [3, с. 128]. При этом Шкловский разбирает здесь только двенадцать новелл первого сборника, где этот тип зачина еще не доминирует.

Взглянем на историю создания рассказов первого сборника. Нуждаясь в литературном заработке и имея в багаже две повести с одним героем — сыщиком, малоизвестный писатель АКД в начале апреля 1891 г. предлагает в только что возникший перспективный журнал «Стрэнд» третье произведение о ШХ, написанное в ином формате, — новеллу «Скандал в Богемии» с предложением продолжить серию. Предложение принимается, и до конца лета АКД пишет в нее еще пять рассказов. Только в предпоследнем из них впервые появляется зачин-предисловие — «Пять зернышек апельсина». С середины лета рассказы начинают

публиковаться, имеют огромный успех, у автора просят продолжения, и во второй половине осени он пишет еще шесть рассказов, где в двух — «Пестрая лента» и «Палец инженера» — использует тот же самый тип зачина, причем в «Пестрой ленте» даже с буквальным повторением слов и оборотов.

«Пять зернышек апельсина»:

When I *glance over my notes* and records of the Sherlock Holmes cases between the years '82 and '90, I am faced by so many which present *strange* and interesting features that it is no easy matter to know which to choose and which to leave;

«Пестрая лента»:

On *glancing over my notes* of the seventy odd cases in which I have during the last eight years studied the methods of my friend Sherlock Holmes, I find many tragic, some comic, a large number merely *strange*, but none commonplace (курсив наш. — М. Ч.).

В написанных раньше новеллах зачины относились к разным видам экспозиций и развязок. Очевидно, повторенная в «Пестрой ленте» схема зачина «Пяти зернышек апельсина» показалась автору настолько удачной и подходящей для его художественных целей, что он, начиная со второй и третьей новелл следующей стрэндовской серии («Картонная коробка» и «Желтое лицо»), прибегает к ней так часто, как только может позволить естественное стремление амбициозного писателя к художественному разнообразию.

Литература

1. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.
2. Силаев В. В. Проблема делимитации зачина текста и выделение его структурных типов // Известия Вологодского государственного педагогического университета. 2013. № 1–2.
3. Шкловский В. О теории прозы. М., 1929.